

Злюся
Романова

18+

ОШИБКА

Злюся Романова

Ошибка

<https://litres.ru/74069603>

SelfPub; 2026

Аннотация

Виктория, блестящий юрист, получает всё: головокружительный роман с могущественным боссом Кириллом Барховым, мир роскоши и обручальное кольцо с сапфиром.

Но всё рушится в один миг из-за чужой лжи. Не дав ей шанса на защиту, любимый мужчина публично клеймит её шпионкой и шлюхой, а затем безжалостно вышвыривает из своей жизни.

Трагическая авария стирает её память, оставляя чистый лист. Для Кирилла, узнавшего страшную правду, это становится идеальным шансом на искупление. Его цель — не просто загладить вину, а желание навсегда приковать Викторию к себе, пока её сознание не прорвётся сквозь искусственный рай.

Это история о ядовитой страсти, где любовь граничит с одержимостью, а искупление — с новым преступлением.

ДИЛОГИЯ

Вторая часть Ошибка 2 Путь к тебе

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ошибка

Глава 1

Вика

Я сладко потянулась, ощущая под воздушным одеялом приятную, ноющую слабость в мышцах — сладостное эхо вчерашней ночи. Солнечные зайчики плясали на бледно-жёлтой стене, и я с наслаждением укуталась с головой в тепло, которое всё ещё хранило его запах.

Ммм... Непередаваемое блаженство — знать, что всё утро в твоём распоряжении. Ладонь невольно потянулась к простыне на его, уже остывшей, стороне... Кир. Точнее, Кирилл Андреевич. Мой мужчина. Мой босс.

Не просто руководитель, а человек, чей образ врезался в сердце с первого взгляда. Помню, как впервые увидела его не вживую, а по местному телевидению — он, уверенный и собранный, говорил о предстоящей масштабной реконструкции «Казаньоргсинтез». И от этой самой уверенности, от его твёрдого, пронизывающего взгляда прямо через экран, у меня перехватило дыхание.

Это был уже пятый его проект по возрождению, казалось бы, безнадежных предприятий. Выходец из Казани, как потом выяснилось, честный до резкости, прямолинейный до боли... и, как оказалось позже, невероятно любящий. Боже,

как он умеет любить!

Я закрыла глаза, и воспоминания, тёплые и густые, нахлынули волной, унося меня в тот самый, переломный день.

Я засиделась в кабинете допоздна, готовя срочный пакет документов для регистрации вступления в должность нового генерального директора. Утром было большое, напряжённое совещание, на котором коллектив впервые увидел его — Бархова Кирилла Андреевича. Он ставил задачи, и львиная их доля легла на мой, юридический отдел. Тогда же я впервые разглядела его внимательно — красивый, с резкими, мужественными чертами лица, от которого исходила такая плотная, почти физическая энергетика власти и уверенности, будто он и впрямь мог держать на своих плечах целый мир. И я никак не ожидала, что поздно вечером этот самый «целый мир» неожиданно окажется на пороге моего скромного кабинета.

— Зарабатываете себе на премию? — раздался его голос, и я вздрогнула, не заметив, как он вошёл.

Я подняла голову и тут же смутилась под его пристальным, оценивающим взглядом. Меня, замечу, обычно было не так-то просто смутить. Но Кириллу это удалось с первой секунды.

— Я... почти закончила, — наконец выдавила я, чувствуя, как тепло разливается по щекам.

— Это прекрасно, — отозвался он с одобрением. — Меня радует, что на предприятии есть вот такие сотрудники. Тру-

долюбивый и ответственный юрист — на вес золота. Заканчивайте с бумагами, я вас отвезу домой.

— Зачем? — искренне удивилась я. Я часто задерживалась и привыкла пользоваться такси.

— Нужно беречь таких сотрудников, — улыбнулся он, и в уголках его глаз собрались лучики смешинки. — А то украдут.

В тот вечер он терпеливо дождался меня. Его огромный внедорожник мягко понёс нас по засыпающему майскому городу. За окном мелькали разноцветные клумбы тюльпанов, пылавшие в последних лучах заката.

Всю дорогу я молчала, уставившись в стекло, боясь лишний раз вздохнуть или пошевелиться рядом с ним. Он тоже не говорил ни слова, но в его молчании не было ни капли неловкости — оно было спокойным, властным, будто так и должно быть.

У подъезда я, запинаясь, поблагодарила и буквально выпорхнула из машины. Спину мою жгло от ощущения его взгляда, пока я шла к двери. На секунду я обернулась. Машина всё ещё стояла, и он, не отводя глаз, смотрел на меня из-за руля. А на следующее утро на моём столе уже ждал пышный букет алых, почти бархатных роз. Коллеги с жадным любопытством расспрашивали о внезапном ухажёре, но я не могла даже предположить, от кого эти цветы. Мысль о том, что это мог быть он, казалась нелепой и пугающей.

В разгар рабочего дня раздался звонок внутренней свя-

зи. На дисплее телефона горело: «Генеральный директор». Я привыкла к звонкам руководства, но не к звонкам Кирилла.

— Виктория, добрый день, — послышался его бодрый, собранный голос.

— Добрый день, Кирилл Андреевич.

— Что у нас с регистрацией изменений в ЕГРЮЛ?

— Документы в налоговой, поданы утром.

— Отлично. Значит, это дело нужно отпраздновать.

— Какое дело? — не поняла я.

— Дело вступления меня в должность. Так сказать, на официальном уровне, — в трубке послышался его тихий, немного хрипловатый смех. — У нас с вами сегодня обед.

— Но... — инстинктивно попыталась возразить я.

— Не перебивайте, — сказал он, и в его тоне промелькнула игривая строгость. — Обед деловой. У меня к вам разговор. Встречаемся в фойе через пятнадцать минут.

Сердце забилось чаще.

Совместный обед... ничего не понимаю.

Я быстро поправила макияж, накинула пиджак и выпорхнула из кабинета. Он уже ждал на первом этаже у лифтов.

— Вы прекрасно выглядите, — сделал он комплимент, окинув меня медленным, внимательным взглядом.

— Благодарю, — смутилась я, опустив глаза.

— Пойдёмте, Виктория.

Ресторан оказался светлым, дорогим, с панорамными окнами. Несмотря на то, что зарплата начальника юридическо-

го отдела была более чем достойной, мой бюджет не позволял мне бывать в таких заведениях. Кирилл с лёгкостью отодвинул мне тяжёлый стул, помог сесть. Его галантность смущала и будоражила одновременно, сбивая с толку. Мы сделали заказ, и когда официант скрылся, он, отхлебнув воды, спросил:

— Вам понравились цветы?

— Так это вы... подарили? — окончательно потеряла дар речи я.

— Да. А почему это вас удивляет?

— Это... очень неожиданно.

— А мне кажется, это ожидаемо. Красивая женщина должна получать цветы. Вы разве так не считаете?

Я нахмурилась, пытаясь выбраться из моря смущения и этого внезапного, прямого комплимента, в которое он меня погружал с головой.

— Не смущайтесь, Виктория, хотя румянец вам очень идёт, — улыбнулся он. Его зелёные глаза пылали опасным огоньком.

Я решила прекратить эту игру, в которой чувствовала себя совершенно незащищённым зайцем в лапах спокойного, уверенного в себе хищника.

— Так о чём вы хотели со мной поговорить?

— Не спешите. Всему своё время.

Смущение нарастало, но вскоре принесли еду, и разговор, к моему облегчению, плавно перешёл на рабочие темы. Я,

успокоившись, стала рассказывать о предприятии, о его проблемах, которые видела с высоты собственного опыта, о своей карьере — от ведущего юрисконсульта сразу после института до начальника отдела всего за пять лет. Я доросла до этой должности не благодаря улыбке или красивым глазам, а своим знаниям, упорству и профессиональным навыкам. За пять лет я изучила предприятие вдоль и поперёк.

Кирилл слушал меня внимательно, не перебивая, лишь иногда кивая.

Когда подали кофе — крепкий, ароматный эспрессо — он посмотрел на дорогие часы на запястье.

— Нам пора возвращаться, Виктория, хотя, по правде говоря, делать этого совсем не хочется, — произнёс он с лёгкой интимной ноткой.

— Но вы так и не озвучили, о чём хотели поговорить.

— Скорее «не поговорить», а сделать заманчивое предложение, — он отставил чашку и посмотрел на меня прямо.

Я замерла, чувствуя, как снова нарастает волна смущения, смешанного с жгучим интересом.

— Я просмотрел ваше личное дело и хочу предложить вам должность моего личного помощника.

Я ахнула, совсем не ожидая такого поворота.

— Не удивляйтесь, — снова мягко улыбнулся он. — Вы — человек с огромным багажом знаний, бесценным опытом и блестящим юридическим образованием. Вы идеальный кандидат. Что скажете?

— Как-то... очень неожиданно, — честно призналась я, чувствуя, как мозг лихорадочно пытается обработать информацию.

— Подумайте, Виктория. Для вас это не просто шаг, а настоящий скачок в карьере. И, разумеется, в зарплате. Но есть условие: от вас потребуются сменить место жительства. Пока я буду в Казани — ориентировочно полгода — год, вы будете здесь. А как только производство выйдет на плановые показатели и будет налажено, я вернусь в Москву, в головной офис. И вы, как моя правая рука, должны будете последовать за мной. На размышление — неделя.

Думала я ровно отведённое время, скрупулёзно взвешивая все «за» и «против». И «за» уверенно перевесило. На тот момент мне было двадцать восемь, я не была замужем, детей не было. Ничего, кроме родителей и ипотечной однушки, не держало меня в Казани. Я уже давно жила отдельно от родителей, самостоятельно принимая решения в своей жизни, а ипотеку можно было выплачивать и из Москвы.

Я согласилась.

Меня быстро перевели в просторную приёмную рядом с кабинетом Кирилла, и началась моя новая, стремительная, кипучая жизнь. Каждый вечер мы засиживались над документами, и каждый вечер он отвозил меня домой на своём мощном внедорожнике. Наши отношения упорно не переходили черту под названием «деловое общение», хотя я всё явственнее чувствовала его настойчивый, плотный интерес.

Он сквозил в каждом взгляде, в случайных прикосновениях к руке, в том, как он произносил моё имя. Но в один из таких вечеров, когда казалось, что это напряжение вот-вот разрядится само собой, всё изменилось раз и навсегда.

Кирилл, как обычно, остановил машину у моего подъезда, а я, как обычно, собралась с мыслями для благодарности. Он сидел за рулём, не заглушая мотор, и пристально, почти неотрывно смотрел на меня. Тишина в салоне стала густой, звенящей.

— Виктория, прости, но больше нет сил, — вдруг, низко и хрипло, выдохнул он.

И прежде, чем я успела что-то понять, его сильная рука решительно притянула меня к нему.

Мои губы врезались в его горячий, требовательный рот. Поцелуй был не просто страстным — он был волшебным, всепоглощающим. Нежным и в то же время беспощадным. Его язык то ласково скользил по моим губам, то с силой погружался вглубь, и моё сознание поплыло, захлёбываясь в этом сладком, опьяняющем дурмане.

— Так и знал, что ты вкусная, — прошептал он, на мгновение отрываясь, его дыхание обжигало мою кожу. — Но, чтобы настолько...

И он снова погрузился в поцелуй, более глубокий, более властный, от которого я загоралась изнутри, как сухая солома, теряя остатки воли.

В тот вечер, абсолютно шокированная, оглушённая, я вы-

скочила из машины и ворвалась в свою квартиру с бешено колотящимся, готовым выпрыгнуть из груди сердцем. Меня трясло от переполнявших, противоречивых эмоций. Восторг, паника, неверие. Как такое возможно?

Мысли метались, не находя выхода, но не долго. Почти сразу раздался короткий, твёрдый, не терпящий возражений звонок в дверь. На автомате я распахнула её. На пороге, залитый светом с лестничной клетки, стоял он. Не говоря ни слова, Кирилл сделал решительный шаг вперёд, через порог моей прежней жизни. Я, ошарашенная, безвольно отступила назад. Дверь захлопнулась за его спиной с глухим щелчком.

Глава 2

Вика

С того самого вечера и начались наши отношения.

Я утонула в счастье, похожем на густое, сладкое марево. Днём — строгий, требовательный начальник, вечером — страстный, изобретательный любовник. Эта двойственность была игрой — острой, волнующей и невероятно нежной одновременно. Горячие взгляды, крадущиеся в перерывах между совещаниями, сладкие, запретные поцелуи в лифте...

Но одна тень лежала на этой идиллии — наш роман расцветал под неусыпным, оценивающим взглядом всего коллектива. Поначалу я нервничала, пыталась что-то скрывать, отдаляться в офисе. Однако Кирилл сразу и твёрдо обозначил свою позицию: нам нечего стыдиться и прятаться. «Я тебя люблю, — сказал он как-то раз, прижав меня к стене в своем кабинете и глядя так, что у меня подкосились ноги. — И готов кричать об этом на каждом углу».

До меня, конечно, иногда долетали шёпоты за спиной. Перемышляли и моё стремительное повышение, и саму нашу связь, строя самые нелепые предположения. Но постепенно я научилась, следуя примеру Кирилла, пропускать эту грязь мимо ушей. Ведь всегда найдутся те, кто разглядит соринку даже в самом хрустальном бокале с чистой водой.

Нашим отношениям уже год.

Несколько месяцев назад мы перебрались из Казани и теперь живём в Москве, в просторной светлой квартире в сердце престижного района бизнес-класса. Наш дом находится в непосредственной близости от парков «Фили», «Серебряный бор» и «Красная Пресня», куда с наступлением весны я убегаю при любой возможности.

Иногда мне удаётся затащить в эти зелёные оазисы и Кирилл — он не большой любитель «просто погулять», но для меня соглашается. Мы бродим по аллеям, и в эти редкие моменты он замедляет свой бешеный ритм, позволяя нам обоим просто любоваться пейзажем. Сам же он остался всё тем же — деятельным, напористым, заряженным на победу.

Я сладко потянулась и медленно соскользнула с кровати. Тело приятно ныло, и каждый мускул, каждая клетка с благодарностью вспоминала страстную, насыщенную ночь. Кирилл — любовник неутомимый, изобретательный, способный свести с ума одним лишь шёпотом или прикосновением. Рядом с ним я чувствую себя по-настоящему желанной, обожаемой... бесконечно счастливой. Он называет меня своим талисманом, своей Викторией. И, засыпая в его крепких, надёжных объятиях, я тону в его шёпоте: «Мы с тобой горы свернём. Ты — моя победа».

И мы действительно сворачиваем горы, покоряя новые вершины. А впереди у нас — долгое, светлое совместное будущее. Ведь чуть больше четырёх месяцев назад Кирилл сде-

дал мне предложение.

Перед глазами проплыло то самое воспоминание... Мы встречали Новый год на Мальдивах. Наш столик стоял прямо на песке, у самой кромки прибоя, а закат окрашивал небо и океан в невероятные оттенки багрянца и золота. В бокале с охлаждённым шампанским я нашла сияющий сапфир в обрамлении бриллиантов. «Выходи за меня», — просто сказал он, не вставая с места. Ему не нужны были пафосные слова или коленопреклонение — он и так прочитал безоговорочное «да» в моих широко раскрытых глазах. И вот теперь, через два дня, у нас свадьба.

Всеми хлопотами по организации торжества занимается нанятая ивент-компания. Я отношусь к этому абсолютно спокойно. Свадьба — не финишная черта, чтобы посвящать ей все мысли. Возможно, в восемнадцать я смотрела бы на это иначе. Но несколько дней назад мне исполнилось двадцать девять, и я отчётливо понимаю: главное — быть с человеком, которого любишь и в котором уверена, как в самой себе. А платье, цветы, выбор меню — всего лишь красивая, но всё же мишура. Тем более из-за тотального трудоголизма моего мужчины у нас не так много свободного времени, и тратить его на эту суету мне просто жалко.

Кирилл — тот, кто живёт работой, дышит ею. Сейчас на часах едва семь, а его уже нет рядом. На рассвете он разбудил меня нежным поцелуем в плечо, прошептав, чтобы я никуда не торопилась. Вчера мы с юристами засиделись допоздна,

готова пакет документов для важнейшего тендера. Кажется, мы успели... и я чувствую — победа будет за нами.

Накинув лёгкий шёлковый халат, обволакивающий кожу прохладой, я босиком вышла в гостиную. Воздух был уже напоен насыщенным, бодрящим ароматом свежесваренного кофе — это Лена, наша помощница по дому, начала свои утренние хлопоты. Кирилл обожает этот напиток, готов пить его с утра до ночи. Мне приходится мягко, но настойчиво контролировать его, напоминая о правильном питании. Но по утрам он не в силах себе отказать.

Лена появилась в жизни Кирилла задолго до меня. Её подчеркнутая, безупречная вежливость в мою сторону всегда имела лёгкий, едва уловимый, но хорошо знакомый оттенок отстранённости. Я, впрочем, и не искала в её лице подруги. По характеру я интроверт, и мне более чем комфортно в обществе самой себя, своих мыслей и, конечно, Кирилла.

Мы обменялись с ней тихими «добрым утром», и я выпила свой привычный большой стакан воды, чувствуя, как живительная прохлада разливается по телу, пробуждая каждую клеточку. Переодевшись в удобную, дышащую спортивную форму, я надела кроссовки и вышла на пробежку. Я старалась заниматься каждый день — лёгкий бег позволял чувствовать тонус в теле и ясность в мыслях. Тем более рядом было столько прекрасных мест.

Неспешным джоггингом я двинулась в сторону Серебряного бора. Весна вступила в свои права окончательно. Воз-

дух в парке был густым и пьянящим от цветущих повсюду кустов сирени. Легко перебирая ногами по утрамбованным дорожкам, я бежала по ухоженным аллеям. В наушниках лилась любимая ZAZ — «Je veux». Эта песня стала нашим личным саундтреком ещё во время первой совместной поездки во Францию. Если бы мне когда-нибудь пришлось выбирать, куда уехать навсегда, я бы, не задумываясь, выбрала страну мушкетёров, восхитительных круассанов и этой чарующей музыки.

А каким романтичным был во Франции Кирилл! Завтраки в постель, долгие прогулки за руку... Он на те несколько дней полностью отключил телефон, и мы просто наслаждались друг другом. А какие там были ночи... От одних воспоминаний кожа тут же покрылась мурашками, а щёки вспыхнули румянцем.

Спустя час я вернулась домой, пропотевшая и довольная. Освежившись под прохладными струями душа, я с наслаждением пригубила большую кружку горячего, пенящегося какао — мою детскую слабость, мой личный эликсир утреннего счастья. Позавтракав аппетитной рисовой кашей с курагой, которую Лена оставила для меня в пароварке, я собралась на работу. День только начинался, и он обещал быть таким же прекрасным, как и всё в моей новой жизни.

За рулем своей юркой «японки» — подарка Кирилла — я летела по оживленным улицам, подпевая знакомой мелодии. На светофоре рядом притормозил черный Land Cruiser.

Парень за рулем, поймав мой взгляд, улыбнулся и одобрительно показал большой палец. Я улыбнулась в ответ — а почему бы и нет? Утренний макияж удачно подчеркнул выразительность моих светло-карих глаз, темные волосы лежали идеальной волной, а на сердце была такая легкость, что хотелось парить.

Вскоре я уже парковалась у подножия сверкающей башни Москва-Сити. Лифт, словно стрела, взметнул меня на двадцать пятый этаж. Войдя в просторную, залитую светом приемную, я, как всегда, первым делом подошла к фикусу Абиджан — моему зеленому «дитю», которое я вырастила из маленького ростка с самого первого дня здесь, семь месяцев назад. Я посадила его в первые дни после переезда в Москву. Девушки из кадров поделились отростком, и я решила — почему бы не разбавить сухой официальный стиль приемной живым растением. И буквально за эти месяцы из хрупкого ростка фикус превратился в крепкое, уверенное растение. Ему, конечно, еще было куда расти, но на подоконнике он уже величественно распустил свои зеленые листья, радуясь утреннему солнцу.

Тут послышался легкий хрип селектора, и из динамика раздалось сдержанное: «Виктория, зайди».

Сбросив пиджак на спинку кресла и схватив любимый блокнот, я подошла к массивной дубовой двери кабинета Кирилла. Несмотря на всю нашу близость, я четко знала: работу нужно делать безупречно и никогда не подводить свое-

го мужчину. Тем более того, кто совсем скоро станет моим мужем.

Сейчас, расправив складки на юбке-карандаш и с лёгкой, почти игривой улыбкой на губах, я взялась за ручку, уже предвкушая его привычный, согревающий взгляд.

Но едва я шагнула в кабинет, меня будто окатило ледяной водой из ведра. Всё моё утреннее тепло, радость и лёгкость разбились о внезапно нахлынувшую реальность. Я замерла на пороге, не в силах сделать ни шага.

Глава 3

Кирилл

— Этого не может быть, — раздражённо провёл я рукой по лицу, пытаясь стереть усталость и едкую горечь поражения.

Рядом за столом, вертя ручку, мой зам по развитию и тендерам, Рохов Виталий, подтвердил худшие опасения:

— Не знаю, как у него это получилось, но у Волкова явно был информатор. Тендер мы потеряли.

Меня злило не столь само поражение. Волков давно и методично вставлял мне палки в колеса — тот ещё делец, с отчётливым налётом бандитских девяностых. Обошел. Чёрт возьми, обошел! И дело было не только в деньгах — у компании и у меня лично их было достаточно. Дело было в статусе, в престиже, в амбициях. Выиграй я строительство Крымского моста — компания взлетела бы до небес. Да и самому так хотелось попробовать силы в чём-то по-настоящему новом, глобальном. А тут — такая подстава. Если бы Волков победил честно... Но нет. Он просто украл наши наработки, не без помощи какой-то внутренней крысы. Всё скопировано до последней запятой в их техническом задании, только цена чуть-чуть ниже. И эта бюрократическая машина тут же вцепилась в него — он же дешевле предложил. Найду этого предателя, своими руками...

— Кирилл Андреевич, — прервал мои мысли голос Есенина, зама по безопасности. Мужик толковый, хваткий, с цепким умом. — Найдём мы эту гниду, дай срок. Мы же только узнали.

— Карты тебе в руки, Сеня, — коротко кивнул я. — Вычисли его в считанные дни.

С Артёмом Есениным мы были знакомы ещё со службы в армии. Через несколько лет после дембеля случайно столкнулись в городе, разговорились... Я тогда только набирал обороты, и мне отчаянно нужен был свой, надёжный человек. Так Сеня и стал моей правой рукой в вопросах безопасности. Вообще-то его зовут Артём, но ещё с солдатских времён к нему прилипло «Сеня» — то ли от фамилии Есенин, то ли ещё от чего. Хрен его знает, но так и повелось.

— Можно попробовать оспорить через суд, — осторожно вступил главный юрист, Сергей. — Гарантий нет, но шансы есть. Если найдём источник утечки, шансы вырастут.

— На это нужно время, Серёга, — откинулся я в кресле, чувствуя тяжесть в висках. — Но процесс запускай. Там видно будет.

— Добро, — кивнул он.

Больше часа мы с Роховым, главным юристом и его замом, финансовым директором и Сеней обсуждали эту внезапно возникшую проблему. Крыса опасна не только тем, что из-за неё мы провалили тендер. Если её не вычислить, она продолжит пакостить. Враг внутри компании — это прямой путь

к краху всего дела. А расставаться с бизнесом, в который я вложил столько сил, нервов и самой жизни, я не намерен.

— Кирилл Андреевич... — начал Рохов, глядя куда-то мимо меня. — Только без обид. Команду мы проверим, камеры поднимем... А вот что касается твоей помощницы, Виктории...

— На что ты намекаешь? — голос мой стал тише и твёрже.

— Ни на что, — Рохов поднял руки в умиротворяющем жесте. — Не кипятись. Просто... У неё ведь был доступ ко всем данным. Да я бы сказал — тотальный. И в подготовке документации она участвовала лично.

— Викторию оставить в покое, — отрезал я. В кабинете на мгновение повисла тяжёлая тишина. — Я в ней уверен, как в самом себе.

— Но...

— Без всяких «но».

Я посмотрел на часы.

Викуся должна была к десяти подъехать. Через два дня — наша свадьба. Сегодня едем за платьем и кольцами. Она, конечно, отнекивается от всей этой суеты, пытаюсь всё переложить на ивент-агентство, но я в этом вопросе стою насмерть. Уж платье и кольца мы выберем сами. Это та память, которая должна остаться на всю жизнь.

Лёгкий хлопок двери в приёмной вывел меня из раздумий. Пришла моя красавица. Я поднёс палец к селектору.

— Виктория, зайди.

«Чёрт, как-то сухо вышло, — тут же мелькнуло в голове. — Всё ещё не отпустил ситуацию. А со своей женщиной так нельзя. Она ни при чём. Работа — работой, проблемы будут всегда. А вот счастливая женщина рядом — это прямая обязанность и главная работа мужчины. Если на неё давить, скидывать рабочий негатив — счастливой она не станет. А если дарить ей радость и покой — оно потом вернётся вдвойне».

Эту простую истину я впитал, кажется, с подросткового возраста. Тогда ещё ныне покойная бабушка по материнской линии меня наставляла. В четырнадцать её слова пролетали мимо ушей. А вот к тридцати двум годам я осознал их всю глубину. Чем счастливее женщина рядом — тем больше света, тепла и той самой, жизненно необходимой энергии она дарит мужчине. Как только внутри неё начинается буря — её волны накрывают всё, вымывая почву из-под ног, лишая опоры и сил.

Дверь открылась, и на пороге появилась моя Виктория. Моя победа. Моя нежная, умная, бесконечно дорогая девочка.

Она, кажется, сразу почувствовала напряжение, витавшее в кабинете. Я махнул рукой:

— Так, все свободны.

Подчинённые, понимающе переглянувшись, покинули кабинет. Мы остались одни. Викуля быстрым шагом подошла ко мне, обвила руками за шею и заглянула в глаза. Я инстинктивно втянул носом воздух, погружаясь в её едва уло-

вимый, родной запах. Ммм... Обожаю, как она пахнет. Вика не любила парфюм — чихает на резкие запахи, видимо, аллергия. Поэтому и сама им почти не пользуется, да и меня к умеренности приучила. Её взгляд был беспокойным, зорким — она чувствовала, что что-то не так. Она не только умница и красавица, но и интуиция у неё работала на все сто.

— Кир, что случилось? — спросила она тихо.

— Всё нормально, Викуль.

— Да я вижу, что что-то не так, — не отступала она. — В конкурсе проиграли, что ли?

От точности её догадки я вздрогнул.

— С чего ты взяла? — насторожился я.

— Просто предположила, — пожалала она плечами.

Решил не юлить.

— Да, проиграли.

— Но почему? У нас же было идеальное предложение...

— Кто-то наше предложение преподнёс за своё.

— Ты хочешь сказать... — её глаза округлились.

— Да. В компании завелась крыса, и строительство Крымского моста мы потеряли.

Она в шоке прикрыла рот ладонью. Она-то знала, как для меня это было важно, сколько я ей рассказывал о перспективах, о масштабе задуманного.

— И... что теперь? — выдохнула она. — Может, можно как-то оспорить?

— Будем пытаться.

— Хочешь, я подключусь?

— Хочу, — ответил я, и меня до глубины души тронула её мгновенная готовность броситься в бой, за меня, за наше общее дело. Она всегда такая. — Но не к конкурсу.

— ?

— А к покупке платья и колец, — закончил я.

— Ну, Кир, сейчас не до этого, — махнула она рукой, но в её глазах уже блеснул огонёк.

— Нет, Викуля, нам с тобой прежде всего до этого. Давай так: плановые встречи проведём — и на сегодня мы свободны. Едем по магазинам.

— Вместе?

— Вместе, — твёрдо подтвердил я.

— Ой, как здорово! — она вся расцвела.

А я, глядя на её сияющие глаза и беззаботную улыбку, с облегчением отметил про себя: все неприятности, как это часто бывает рядом с Викулей, отступили, растворились, задвинулись на задний план.

Глава 4

Вика

Предвкушение сладкой искоркой жгло меня изнутри всё утро. На встречах я едва могла сосредоточиться. Мысли уже летали по ювелирным салонам и свадебным бутикам, примеряя невидимые наряды и кольца. Я ловила себя на глупой, безостановочной улыбке, которую тут же пыталась скрыть за чашкой кофе. Пусть свадьба — лишь формальность, но желание твоего мужчины вместе выбрать кольца для торжества и помочь с выбором платья... Это говорило о многом. И это заставляло меня парить, как на невидимых крыльях, от переполняющего счастья.

Когда мы наконец освободились, решили начать с выбора колец. Мы сели в машину Кирилла — массивный, внушительный внедорожник. Меня всегда впечатляли большие машины — не из-за пафоса или мнимого величия, а из-за ощущения надёжности, безопасности и простора. Его «Инфинити» заурчала низким басом, когда он завёл мотор, и плавно тронулась с места. Одной рукой он уверенно вёл этого стального зверя, а другой держал мою руку.

Первый же салон оказался тем самым. Консультант, уловив наш настрой мягко направляла, но ни в чём не навязывала. Я не люблю давление, оно заставляет внутренне сжиматься, а в таком состоянии вряд ли сделаешь по-настоящему

му верный, душевный выбор.

Колец было множество: от классических, лаконичных до причудливых, почти авангардных. Я примеряла одно за другим, украдкой лоя в огромном зеркале отражение Кирилла. Он сидел в глубоком кресле, откинувшись, и внимательно наблюдал за мной. Его взгляд был тёплым, слегка задумчивым, а на губах играла улыбка — он явно наслаждался моими «мучениями». Разнообразие было таким, что я готова была взвыть от невозможности выбрать.

Кирилл поднялся с кресла.

— Ну что, Викуля, — сказал он, подходя. — Я так понял, без меня тут никак.

— Кир, тут такая красота, глаза просто разбегаются! — вздохнула я.

— Разберёмся и с красотой, и с разбегающимися глазами, — хохотнул он и принялся внимательно изучать витрины.

И вдруг мы увидели их одновременно.

Два кольца из матовой, благородной платины. Женское — тонкое, изящное, инкрустированное россыпью мелких бриллиантов, выложенных в изящный, плавный знак бесконечности. Мужское — более широкое, сдержанное, с таким же символом вечности, но не из камней, а в виде глубокой гравировки.

— Это они, — сказали мы в один голос и переглянулись.

Мы молча протянули руки консультантке. Когда холодок платины коснулся сначала моего пальца, а затем и его, мы

снова посмотрели друг на друга. Это было больше, чем просто украшение. Это был немой вопрос и такой же немой, но абсолютно точный ответ. Это был наш выбор.

После салона мы зашли в уютное, пахнущее свежей выпечкой и корицей кафе. Кир, избалованный изысканными ресторанами, как сам со смехом признавался, снисходительно относился к моей слабости к таким местам. Мне в них было приятнее. Здесь точно мы не могли столкнуться взглядом с коллегой, бизнес-партером или каким-нибудь деловым знакомым Кирилла. В дорогих ресторанах не было той интимности, уединения, которого мне так хотелось. Меня это напрягало. Его — нет, но он с пониманием относился к моим просьбам выбрать место попроще.

Но настоящий мой триумф — это когда удавалось заткнуть его в пиццерию. Пицца, бургеры — моя слабость. И когда я видела, как этот невозмутимый титан бизнеса, расслабив галстук на дорогой рубашке, с удовольствием откусывает кусок пиццы «Пепперони», я просто балдела от счастья.

В кафе я болтала без остановки, выпуская наружу всю накопившуюся радость и волнение — о кольцах, о предстоящем дне свадьбы, о всяких глупых мелочах. А он сидел напротив, медленно размешивая свой крепкий эспрессо, и просто смотрел на меня.

И улыбался.

Да, эта «акула бизнеса» умела по-настоящему улыбаться, и я безумно гордилась тем, что только я могла вызывать на

его обычно строгим лице такие эмоции. Только мне он дарил свою редкую улыбку.

И в его взгляде сейчас было столько откровенного обожения, столько нежности, что мне, казалось, я вот-вот засвечусь изнутри.

В свадебном салоне царствовала совсем иная, воздушная и торжественная эстетика. Кирилл поначалу даже попытался остаться в машине: «Викуля, пойми, будущий муж не должен видеть невесту в платье до свадьбы».

— Да с чего ты взял? — возмутилась я. — Это глупое суеверие!

И он, капитулировав с улыбкой, мужественно вынес все те десятки платьев, которые я на себя нацепляла.

Я перебирала платья — строгие атласные, воздушные, расшитые бисером, пышные, как облако. Каждый раз, надев очередное, я выскальзывала из-за тяжёлой портьеры и кружилась перед ним, демонстрируя наряд.

— Ну как? — спрашивала я, задыхаясь от волнения.

— Идеально, — неизменно отвечал он.

В его глазах читалось одно: он видит не платье, а меня.

Последнее платье было особенным — ослепительно белым, пышным, с тончайшим кружевным лифом, скрывающим и в то же время подчёркивающим каждую линию, и длинной, струящейся фатой. Я вышла и, поймав его горящий взгляд, сделала ещё один счастливый поворот.

И вдруг Кирилл встал и решительным шагом приблизился

ко мне. Его рука схватила меня за талию, резко притянув к себе. Портьера захлопнулась, отгородив нас от всего мира в тесном пространстве примерочной, заваленной облаками ткани.

— Кир... — успела я начать, но его губы уже нашли мои, заглушив любой намёк на протест.

Поцелуй был властным, требовательным, безоговорочным. Он прижимал меня к прохладной поверхности зеркала, а его руки, твёрдые и уверенные, скользили по кружеву, отыскивая застёжку. Найдя потайную молнию, он не смог сдержать счастливого, торжествующего возгласа:

— Хорошее платье. Главное — быстро снимается.

И он потянул застёжку вниз.

— Берём, — оторвавшись от моих губ на секунду, прошептал он хрипло.

— Ты... не должен... — пыталась я выдохнуть между поцелуями, уже теряя связь с реальностью.

— Должен, — прошептал он прямо мне в губы.

— Мы не можем... — я сделала слабую попытку отстраниться.

— Ещё как можем, — опалив мои губы горячим шёпотом, прошептал он, и новый поцелуй похоронил под собой последние проблески разума.

Пышная юбка платья с шуршащим шелестом сползла на пол, образовав вокруг наших ног белое, благоухающее озеро. Воздух в тесной кабинке стал густым, обжигающе горя-

чим, наполненным звуками нашего прерывистого дыхания, шёпота кожи о кожу и стука сердца, готового вырваться из груди.

Он был нетерпелив, почти груб в своей внезапно прорвавшейся жажде, а я... я растворялась в этой грубости, отвечая ей такой же дикой, первобытной отдачей.

Каждое прикосновение его губ к моей шее, ключице, каждое жадное прикосновение его ладоней прожигало меня насквозь, оставляя невидимые метки. Мы не думали в тот момент ни о чём постороннем. Весь мир сжался до размеров этой зеркальной клетки, до запаха его кожи, до звуков моих стонов.

Хорошо, что в салоне, похоже, кроме нас никого и не было. Тактичные сотрудницы, видимо, всё поняли и просто... испарились, оставив нас наедине с этой внезапно нахлынувшей бурей.

Когда шторм утих, мы стояли, запыхавшиеся, с разгорячённой кожей, и тихо смеялись — счастливо, по-хулигански.

— Значит, это то самое! — хрипло утвердил Кирилл, опуская взгляд на ткань под ногами.

— Видимо, да, — кивнула я, прижимаясь лбом к его плечу. — То самое.

Позже, когда мы уже вышли из салона с огромной, нарядной коробкой, он обнял меня за плечи и, прижав губы к виску, прошептал:

— Ты в нём... как принцесса. Моя принцесса.

Вечер плавно перетёк в ночь, и эта ночь стала естественным, страстным продолжением дня. Кирилл исследовал моё тело с таким вниманием, будто видел его впервые, целуя каждый сантиметр кожи, каждый шрам и родинку.

— Ты — моя самая большая победа, Виктория, — шептал он, двигаясь внутри меня с медленной, почти невыносимой сладостью, растягивая каждое мгновение.

Я тонула в нём, обвивая его ногами, впиваясь пальцами в напряжённые мышцы его спины, отвечая каждому его движению, каждому сдавленному вздоху.

Это был не просто секс. Это был диалог, давно выученный нашими телами наизусть. Мы говорили друг с другом на языке прикосновений, вздохов, прикушенных от наслаждения губ и долгих, глубоких поцелуев.

— Я люблю тебя, — прошептал он мне в самое ухо, и его горячее дыхание обожгло кожу.

— Я тебя тоже... — начала было я, но договорить не успела.

Разрядка нахлынула волной такой сокрушительной силы, что на мгновение в глазах потемнело и выключилось всё, кроме ощущения его тела и бешеного стука сердца. Следом, с глухим стоном, сорвавшимся с его губ, улетел и он.

Потом мы лежали, сплетённые в один горячий, влажный, пахнущий друг другом клубок, слушая, как наши сердца постепенно возвращаются к обычному ритму, сливаясь в один усталый, довольный стук.

За два дня до свадьбы я засыпала, уткнувшись носом в его плечо, с одной-единственной мыслью: как же невероятно, до головокружения, повезло мне в этой жизни. И я не могла даже предположить, какой невыносимый кошмар ожидает меня впереди.

Глава 5

День свадьбы

Я проснулась от горячих, нетерпеливых поцелуев. Влажная, ласкающая дорожка проложила путь от моего уха к самой чувствительной точке на шее, а затем медленно, маняще опустилась к лопатке. Я всегда любила спать на животе, уткнувшись лицом в подушку, и вот сегодня мой сладкий, безмятежный сон был нарушен этим восхитительным, желанным вторжением.

— Ммм... — стон наслаждения вырвался у меня сам собой, прежде чем я успела открыть глаза.

— Ты такая вкусная, — почувствовала я тёплое дыхание и шепот прямо у виска, от которого по коже пробежали мурашки.

Я приоткрыла глаза. Кирилл, уже одетый в безупречный светлый свадебный костюм, сидел на краю кровати. Он продолжал покрывать мою спину и плечи короткими обжигающими поцелуями. Кир знал моё тело лучше, чем я сама. И особенно хорошо он знал, что спина и всё, что с ней связано — моя слабая струна, мой секретный код к блаженству. Он давно это вычислил и мастерски пользовался своими знаниями.

— Сколько времени? — спросила я хриплым, ещё пропитанным сном голосом, в котором уже начали просыпаться

нотки возбуждения.

— Рано. Нет ещё и восьми, — ответил он, не прекращая своих ласк.

— А ты почему не спишь? И почему уже одет? Нам ведь только к двенадцати...

— Викуля, мне нужно срочно заскочить в офис, — его рука ласково провела по моей щеке. — Рохов с Сеней что-то нарыли по тому контракту, по Крымскому мосту. Нужно разобраться.

— А как же...

— Не волнуйся, — перебил он, целуя уголок моих губ, забирая протест этим поцелуем. — Пока ты будешь собираться и превращаться в самую прекрасную невесту на свете, я решу все вопросы. Встретимся уже в ЗАГСе. Смотри, я уже при параде. Закрою этот вопрос — и бегом к тебе.

— Так жалко, — прошептала я, прижимаясь щекой к его ладони, вдыхая знакомый запах его кожи. — Я хотела, чтобы мы поехали вместе.

— Извини, Викуля. — Ты не представляешь, как мне хочется остаться с тобой.

— И мне этого безумно хочется, — призналась я.

— Чуть-чуть потерпи, зато после ЗАГСа я весь твой.

— Как аппетитно звучит, — я не удержалась и заулыбалась, несмотря на лёгкую грусть от его ухода.

— У меня для тебя будет сюрприз.

— Какой сюрприз? — тут же заинтересовалась я.

— Вот поженимся — и узнаешь.

— Ну, Киир, теперь я точно не усну от любопытства, — вздохнула я, делая вид, что сержусь.

Кир рассмеялся, а мне стало так хорошо и спокойно от его смеха, что всякая досада мгновенно испарилась.

— Ладно, иди уж, бизнесмен. Сама соберусь и приеду на нашу свадьбу. Прямо как большая и самостоятельная девочка, — подмигнула я ему.

Когда он ушёл, я ещё несколько минут сладко повалалясь в постели, потягиваясь и наслаждаясь остатками его тепла на простынях и предвкушением дня.

«Пора вставать, — наконец решительно подумала я, садясь в кровати. — Сегодня важный день в моей жизни. Да и в жизни Кирилла. Этот брак — первый для нас обоих. Настоящий».

Мысли о предстоящем событии снова вернули мне широкую, беззаботную улыбку. Сегодня я стану его женой. Официально, перед лицом закона и всего мира. Это слово — «жена» — отзывалось внутри тихим, радостным трепетом. И даже эта утренняя разлука казалась теперь лишь небольшим, интригующим предисловием к главной главе.

Я приступила к обычному утреннему ритуалу. На кухне уже витал густой, бодрящий аромат свежесваренного кофе.

— Доброе утро, — поздоровалась Лена, как всегда, с безупречной, но сдержанной вежливостью.

— Доброе утро, Лена, — ответила я, наливая себе боль-

шой стакан тёплой воды.

— Вы даже сегодня не планируете пропускать пробежку?

— Да, конечно. — кивнула я.

— Вы такая ответственная. А я всё никак не могу заставить себя делать даже элементарную утреннюю гимнастику.

— Это просто дело привычки. Главное — начать, — улыбнулась я ей в ответ.

Я оделась в лёгкий спортивный костюм и выбежала на улицу. Настроение было таким лёгким и радостным, будто само яркое майское солнце поселилось у меня в груди. Воздух, напоённый пьянящим ароматом цветущих черёмух и сирени, ворвался в лёгкие. Я бежала по знакомым дорожкам Серебряного бора легко, почти паря, едва касаясь земли, чувствуя, как каждая клеточка моего тела ликует и поёт в едином хоре предвкушения счастья.

Вернувшись домой, я приняла долгий, бодрящий душ, позавтракала лёгким йогуртом и стала ждать визажиста и стилиста в одном лице, которую мне рекомендовало ивент-агентство, занимавшееся организацией свадьбы. Мы уже подробно обсудили по телефону желаемый образ: ничего вычурного, экстравагантного, того, что кричало бы на всю Москву: «Смотрите, я — жена Кирилла Андреевича Бархова!» Нет. Я просто хотела быть красивой. Чтобы, когда Кир увидит меня в полном образе, он просто не смог бы оторвать взгляд. Чтобы в его глазах вспыхнул тот самый, знакомый огонь обожания и гордости, который говорил мне больше

любых слов и клятв.

Работа закипела. И вот, спустя два часа кропотливых усилий, в зеркале на меня смотрела уже не я, а настоящая сказочная Золушка, только без хрустальных башмачков. Вместо них на мне были изящные белые туфли-лодочки на высоком, но удивительно удобном каблуке, носы которых украшали сверкающие стразы, сложенные в форму нежного, изысканного цветка. Пышное, будто воздушное платье, сидело безупречно, подчёркивая каждую линию. Я не могла не улыбаться своему отражению, медленно кружась перед зеркалом, ловя, как переливается утренний свет на тончайших нитях кружева и бисера. Я была счастлива до головокружения.

Время неумолимо показывало, что пора выезжать. Я решила позвонить Кириллу, чтобы предупредить, что я полностью готова и сажусь в машину. Для этого особенного дня он предоставил в моё полное распоряжение свой роскошный, тёмный седан и личного водителя Антона — человека с невозмутимым лицом и безупречной репутацией, которого Кир обычно использовал для самых важных встреч.

Но Кир не взял трубку. Сначала в динамике звучали лишь длинные, монотонные гудки, а потом связь и вовсе оборвалась. «Наверное, просто разрядился телефон в этой суматохе, — отмахнулась я от лёгкой тени беспокойства, стараясь не придавать этому значения.». Волноваться было не о чём. Совсем скоро мы увидимся, и всё встанет на свои места.

— Ну что, Виктория Алексеевна, в путь к новой жизни?

— улыбнулся мне Антон, открывая массивную, бесшумную дверь автомобиля.

— В путь, — кивнула я.

Солнце заливало город потоками золотого, почти летнего света. Проезжая по набережной, я видела, как его лучи играют на глади Москвы-реки, превращая воду в россыпь драгоценных бликов. Клумбы тюльпанов, недавно высаженные и уже буйно цветущие всеми оттенками розового, красного и белого, украшали улицы, как праздничные гирлянды. Майский день разворачивался во всей своей щедрой, обещающей красоте.

В голове, словно назойливая муха, мелькнула обрывки глупой старинной приметы — мол, если в мае пожениться, всю жизнь будешь маяться. Я мысленно отмахнулась от неё. Не верю я во всю эту чепуху. Ни в то, что жених не должен видеть свадебного платья заранее, ни в то, что свадьба в мае сулит одни хлопоты.

Как может случиться что-то плохое в такой день, когда всё вокруг дышит гармонией и счастьем? Это всё предрассудки, порождённые собственной неуверенностью. Надо думать только о хорошем, и тогда оно, как магнит, будет притягиваться к тебе.

Машина плавно остановилась у парадного подъезда дворца бракосочетания. Я огляделась, автоматически ища в толпе высокую, знакомую фигуру в светлом костюме. Кирилла нигде не было видно. «Конечно, — тут же успокоила я себя,

— мы же договорились встретиться внутри. Он, наверное, уже ждёт». Собрав подол платья, я поднялась по широким ступеням, чувствуя, как лёгкая, струящаяся ткань шелестит вокруг моих ног, а в груди взлетает стая взволнованных бабочек.

Внутри царила торжественная, чуть звенящая от сдерживаемых эмоций атмосфера. Несколько пар, таких же нарядных и взволнованных, ждали своей очереди в просторном, светлом фойе с высокими потолками. Мужчины в строгих, безупречных костюмах, девушки в прекрасных белых платьях — все они были красивы и полны того же светлого, трепетного ожидания.

Я осмотрелась, и моё сердце ёкнуло от внезапного приступа радости: вот он!

Кирилл. Как же он красив. Высокий, статный, его мощные плечи и прямая спина даже в этой суматохе выглядели как оплот надёжности. «Моя каменная стена», — мелькнула мысль. Его крепкие руки, которые будут беречь меня, согревать. Его добрые глаза, полные любви, которыми он будет смотреть на меня всю нашу долгую совместную жизнь...

Я сделала шаг вперёд. Моё лицо сияло улыбкой такой силы, что, кажется, я вся излучала свет. Вот тронь меня — и взорвусь от переполнявших меня эмоций.

И тут я заметила, как к Кириллу подошёл мужчина со знакомым лицом. «Рохов», — удивлённо узнала я зама Кирилла. А что он тут делает? Я в лёгком недоумении переводила

взгляд то на Рохова, то на Кирилла. Мы же договаривались на скромную, камерную регистрацию, только вдвоём...

И тут я с нарастающим, почти физическим удивлением обнаружила чуть в стороне от Кирилла ещё одну знакомую фигуру. Сердце сжалось тревогой, словно предчувствуя неладное. Артём Есенин, зам по безопасности компании. Я знала его поверхностно — молчаливый, невозмутимый мужчина, на пару лет старше Кира. Давний, проверенный друг ещё со времён армейской службы. И пока мой разум пытался осмыслить его появление, Есенин кому-то коротко кивнул, и мой взгляд автоматически переместился левее.

Тут же, словно от прикосновения ледяного лезвия, по спине резко, отчётливо пробежала ледяные мурашки. Седов.

Вот кого, кого, а его видеть здесь и сейчас мне совсем не хотелось. От этого человека всегда исходило ощущение холода, глухой отстранённости, чего-то глубоко чуждого и неживого. Казалось, он даже не смотрит на людей, а сканирует их пустым, пронизывающим взглядом, выжигая пространство вокруг себя. Его присутствие здесь, в такой день, не казалось просто неуместным. Оно висело в воздухе тяжёлой, зловещей грозовой тучей, и моё лёгкое беспокойство начало стремительно перерастать в тихий, леденящий ужас.

«Так, Вика, успокойся, — строго приказала я себе. — Ну пришли и пришли. Значит, так надо Киру. Может, решили поздравить. Какая тебе, в сущности, разница? Главное, что твой любимый мужчина тут, ждёт тебя.»

Я отбросила дурные мысли прочь. На моём лице снова засияла счастливая улыбка и, подхлестнутая волной нетерпения, позабыв о всякой сдержанности, я быстрыми, лёгкими шагами, весело цокая каблуками по паркету, бросилась к Кириллу.

— Дорогой... — начала я, уже почти поравнявшись с ним, протягивая к нему руку.

Но слова застыли у меня на губах, замерли, превратились в лёд, натолкнувшись на его взгляд. И в то же мгновение весь мой прекрасный, солнечный мир рухнул, рассыпался в прах. Это был не взгляд моего любимого Кирилла. Это был взгляд совершенно чужого, незнакомого человека. Холодный, твёрдый и острый, как черный обсидиан, и насквозь смертельно опасный.

Его лицо, обычно такое живое, выразительное, с теми самыми милыми лучиками у глаз, когда он улыбался мне, превратилось в непроницаемую, бесчувственную каменную маску. Лишь в глубине расширенных зрачков бушевал и клочкотал ледяной, яростный, нечеловеческий огонь абсолютной ненависти.

Он сделал резкий шаг мне навстречу, сокращая последнюю дистанцию, между нами. И прежде, чем мой мозг успел хоть как-то осознать и обработать происходящее, я услышала сдавленный, хриплый, пропитанный такой дикой, первобытной ненавистью шёпот, что кровь буквально застыла у меня в жилах.

— Дрянь! Как ты могла?!

Глава 6

Вика

Я стояла, глупо хлопая ресницами, пытаюсь поймать хоть одну мысль в этом внезапно обрушившемся хаосе. Мозг отказывался верить, цепляясь за обрывки утренних воспоминаний, как утопающий — за соломинку: его нежные поцелуи, которыми он всего несколько часов назад разбудил меня, наши ночи, полные блаженства и его шёпот «ты - моя победа»... Всё это рассыпалось в прах за одно мгновение.

— Что с тобой? — выдохнула я, пытаюсь как-то остановить этот кошмар, найти в его безумном взгляде хоть знакомую искру.

В ответ в моё лицо полетели бумаги. Белые листы, испещрённые цифрами, незнакомым текстом, чьими-то распечатками, больно хлестнули по коже, осыпавшись на паркет в сюрреалистичном танце. Я медленно опустила голову, глядя на них, но не видела ничего. Всё расплывалось в слезах и шоке. Я подняла взгляд, ища в чертах Кирилла хоть каплю того человека, которого знала.

— Кир, объясни, что с тобой? Я ничего не понимаю...

— Значит, всё ещё не понимаешь? Виктория, — он выплюнул моё имя, будто оно было для него теперь ядом, грязью на языке. Само звучание моего имени в его устах было пропитано диким, не скрываемым презрением. — Решила

поиграть в самую невинность? — с сарказмом, который резал, как тупое стекло, бросил он.

— Кирилл... Я не понимаю тебя! — слёзы хлынули ручьями, солёные и обжигающие, смешиваясь с тушью и оставляя чёрные потёки на щеках. — Что я сделала? Почему ты так со мной?!

— Ну, раз у тебя амнезия, я напомним, — его голос стал низким, звериным. — Волков победил в конкурсе. И победил благодаря тебе. Bravo! — Он глухо, беззвучно рассмеялся, а потом начал медленно хлопать в ладоши. Этот сардонический стук ладоней был страшнее любого крика. — Ты здорово запудрила мне мозги...

«Какой Волков? При чём тут конкурс?» — мой мозг пробуксовывал, отказываясь воспринимать абсурдность происходящего. Ведь всего пять минут назад я бежала к нему окрылённая счастьем, а сейчас меня будто бросили в грязь. В моём белом, пышном платье. В этих красивых туфлях со стразами, с фатой... Какое отношение я имею к Волкову? Я его даже в глаза не видела никогда!

— Кир, послушай... — я попыталась протянуть к нему руку, чтобы взять его ладонь, коснуться, вернуть связь. Но он дёрнулся назад, будто моё прикосновение было ему отвратительно, будто он боялся обжечься.

— Я тебе верил! Слепо верил! — зарычал он так, что мне показалось, моё сердце остановится. — А ты... за моей спиной снюхалась с Волковым! Ты, сука!!!

Мир перевернулся с ног на голову. В висках стучало, выбивая дикую пульсацию: «Волков... конкурс... снюхалась...» Эти слова гулко отдавались в пустоте моего сознания, не находя ни отклика, ни смысла, только боль.

— Кирилл... послушай, я ничего не делала! И с Волковым у меня ничего нет! — мой голос дрожал и срывался, переходя в истеричный, сдавленный шёпот. — Я люблю тебя! Поверь мне!

— Вон! Пошла! — его лицо, искажённое нечеловеческой яростью, было пугающим и абсолютно чужим. Я никогда не видела его таким. Казалось, ещё секунда — и он разорвёт меня в клочья. — Или уйдёшь сама, или тебя выволокут отсюда.

— Я никуда не уйду! — взмолилась я. Мне было плевать на окружающих, я их уже не видела. Всё вокруг покрылось мутной, дрожащей пеленой от слёз. — Кир, давай попробуем успокоиться и разобраться... Я ни в чем не виновата! Прошу, опомнись! Поверь мне!

Слёзы заливали всё лицо, текли по подбородку, капали на ключицу, оставляя на коже липкие, холодные, чёрные дорожки. Как он мог? После всего, что было между нами? После тех ночей, доверительных разговоров... Мы были единым целым!

— Я так тебе доверял... — его голос внезапно сорвался, и в нём прозвучала пронзительная, леденящая душу горечь. — Так доверял...

— Кир, молю... — я снова кинулась к нему, схватила за рукав его безупречного костюма, затрясла, будто пытаюсь разбудить, чтобы он посмотрел в мои глаза и увидел в них только правду, только честность по отношению к нему. — Дай мне шанс защитить себя, оправдаться, разобраться в случившемся! Дай нам шанс... нашей семье...

Он горько, почти безумно рассмеялся и выдернул свою руку так резко, что я чуть не упала.

— Какая семья, девочка? Глаза открой. Ты — последняя, с кем я бы захотел иметь семью. У меня в роду шлюх не было и не будет.

«Какой кошмар...» — проносилось у меня в голове, когда я отчаянно пытаюсь осмыслить эти слова. Зачем он так говорит? Зачем так меня называет?

— Пошла вон отсюда! — рявкнул он так, что я вздрогнула всем телом.

Но я продолжала стоять. Мои ноги отказывались двигаться, разум перестал функционировать. Глаза видели только его, искажённого яростью, и больше ничего. Я медленно, в отчаянии, замотала головой.

Он резко крикнул в сторону, в пространство зала:

— Седов, выведи её.

Это прозвучало как бесстрастная команда. Окончательный приговор.

С края моего сознания донеслось короткое: «Есть».

И через мгновение я почувствовала, как пальцы Седова —

больше похожие на стальные тиски — впились в мой локоть. Там, где он касался меня, тут же вспыхнула нарастающая, глухая боль. Рука начала гореть.

— Иди, — пробурчал он без эмоций.

— Нет! — отчаянный крик вырвался из моей груди. Я попыталась вырваться, но его хватка лишь усилилась, сжимая мышцы и кости.

Взгляды присутствующих, до этого лишь скользившие по сторонам, теперь с жадным, бесстыдным любопытством впились в нашу борьбу.

— Кирилл, прошу, одумайся! Поверь мне! Давай во всём разберёмся! Это не я!

Я начала метаться, мои визги, полные абсолютного отчаяния и животного ужаса, разрывали гнетущую тишину помпезного зала. И тогда Седов, не меняясь в лице, нанёс короткий, молниеносный, точно рассчитанный удар мне в бок. Воздух с болезненным шипом вырвался из лёгких. Острая, обжигающая боль сковала тело, согнула пополам. Мир поплыл перед глазами, и я едва устояла на ногах.

Больно. До тошноты. До потемнения в глазах и звона в ушах.

А Кирилл... Он не видел. Он отвернулся к высокому панорамному окну, к безразличному, солнечному городу за ним, демонстративно отрекшись от меня. От нашей любви. От всего, что ещё несколько часов назад было для него важным. Или мне просто так казалось...?

И в этот миг во мне что-то надломилось. Окончательно и бесповоротно, как хрупкая ветка под тяжестью невыносимого груза. Воля, сопротивление, сама жажда жизни — всё это вытекало из меня, как кровь из открытой раны, смешиваясь с острой физической болью и куда более страшной, леденящей агонией душевной казни.

— Я сама... — прошептала я твёрдо насколько могла.

Седов разжал пальцы. Его стальные тиски отпустили мою руку, оставив на коже красные, чёткие отпечатки. Я развернулась и, не удостоив больше никого взглядом — ни Кирилла, ни этих чужих глаз, — поплелась прочь. Ноги были ватными, непослушными, подкашиваясь на каждом шагу, цепляясь шлейфом платья.

В боку, куда Седов всадил свой чёткий удар, ныло глухо и назойливо. Эта тупая, боль медленно растекалась по всему телу, сводя. А он шёл следом, как бездушная тень, не приближаясь и не отставая, держась в нескольких шагах.

Будто пьяная, шатаясь и прижимая ладонью к спазмированному боку, я выбралась из дверей ЗАГСа. Зрение понемногу обретало чёткость, и я увидела заинтересованные взгляды других невест, ждавших своего счастья. Нечасто увидишь невесту в таком растрёпанном, униженном виде. «Смотрите, — будто кричал им весь мой искажённый болью облик, чёрные потёки туши, — смотрите и будьте готовы к тому, что тот, кто признавался вам в любви, клялся защищать от любых невзгод, сам первый кинется топтать ваше

сердце своими ботинками».

Я медленно спускалась по тем же широким ступеням, по которым ещё несколько минут назад взлетала, весело цокая каблуками. Как жестоко и быстро может измениться мир. Ступенька за ступенькой я шла вперед. Затылок горел. Я чувствовала пристальный, давящий взгляд Седова. И ещё кого-то... Остановившись на миг, я медленно повернула голову. И натолкнулась на тот самый взгляд, от которого замерло сердце. Кирилл стоял в дверях. Он смотрел. Не с ненавистью теперь, а с холодным, ледяным безразличием, которое резало больнее любого ножа.

«Смотри», — кричала моя умирающая гордость. «Смотри», — вопила во мне растоптанная, истекающая кровью любовь. «И знай... я не прощу тебя. Никогда».

Этот взгляд стал для меня горячим, клеймящим пятном стыда и унижения, пятном, которое теперь, я знала, уже никогда не смыть, не выжечь, не забыть.

Я медленно побрела дальше, не осознавая куда и зачем. Просто шла, потому что он приказал: «Пошла вон». И я покорно, с разбитым сердцем и сломленной душой, уходила вон.

Каждый шаг пронизывала жгучая, колющая боль — и в боку, и в груди. И делая эти тяжелейшие шаги по асфальту, скользя взглядом по безразличным лицам прохожих, я даже не могла предположить, какие ещё испытания ждут меня впереди.

Жаль, что Ангел-хранитель, если он вообще был у меня сегодня, не крикнул в тот миг: «Вика... Вика, оглянись! Утри слёзы!» Но я не слышала никого. Только гул собственной крови в ушах и ледяную тишину там, где ещё недавно билось счастливое, полное любви сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.